

ТЕРМИН «ЭТНОС» И РУССКАЯ ИСТОРИЯ

Аннотация: В статье предпринимается попытка соотнести определение этноса, сформулированное Л. С. Клейном, с имеющимися упоминаниями в отечественных и зарубежных источниках слова «русь» и его производных в XII–XVI вв. В качестве признаков, по которым можно определить русский этнос, выбран широкий список: устойчивая группировка людей, самоназвание, язык, религия, раса, общность происхождения. В результате проведенного анализа выяснилось, что за исключением признака наличия обозначения русского языка, все остальные признаки имеются в источниках и могут служить в качестве этноопределяющих. На этом основании ставится вопрос о возможности формирования русского этноса уже к XVI в.

Ключевые слова: этнос, русь, русские, Клейн, идентичность.

Памяти Льва Самуиловича Клейна

Лев Самуилович Клейн долгое время занимался научным определением термина «этнос» и одноименным концептом. Свои итоговые размышления (точнее, собрание статей) он опубликовал в двухтомнике «Этногенез и археология»¹. В частности, коротко и неоднократно он высказывался об этносе на сайте Генофонд.рф, а также написал на этом сайте отдельно статью «Этнос» в рубрике «словарик»², ее текст как квинтэссенция понимания этноса Л. С.

¹ Клейн Л. С. Этногенез и археология. В 2-х т. СПб., 2013. Т. 1. Теоретические исследования. Общим вопросам этногенеза посвящена первая часть первого тома. Дополнительно: Клейн Л. С. Стратегия синтеза в исследованиях по этногенезу (интеграция наук и синтез источников в решении проблем этногенеза) // Советская этнография. 1988. № 4. С. 13-23.

² Клейн Л. С. Этнос // Генофонд.рф. URL: http://xn--c1accbaafalcl.xn--p1ai/?page_id=3175 (дата обращения: 10.04.2021). В самой статье авторство не указано.

Клейном и взят за основу дальнейшего терминологического понимания этноса.

Согласно определению, сформулированному Клейном, этнос – это «устойчивая группировка людей, которая обладает общностью некоторых реальных признаков, отражаемой в общественном сознании (не только самих этих людей, но и их соседей) как общность исторических судеб в рамках единого *социального организма* или в связи с ним.

Объединителями и опознавательными признаками могут выступать язык, религия, *раса* и др., но в демографической практике определяющим служит *этническое самосознание*, формально выраженное в самоназвании и реально объективируемое в социальных отношениях, политических акциях, культурных предпочтениях, идеологических декларациях и т. п. В этническом сознании (и самосознании) отражается корреляция культурных признаков индивида с его социальным положением, связями и возможностями. Общественное сознание выдвигает на роль *этнических признаков* то одни из объективных объединителей, то другие и осмысливает эту общность обычно в форме убежденности в общем происхождении. Вот почему различные объективные факторы способны выступать – то одни, то другие, порознь и в разных сочетаниях – диагностическими признаками этноса».

Там же сказано: «В основе категории этноса лежит идея *«общности исторической судьбы, преимущественно – общности происхождения, неважно истинная или ложная, но подкрепляемая вполне реальными признаками, всякий раз разными (Клейн 1995)»*.

Усвоив приведенное определение и наиважнейший тезис в нем, что появление этноса зиждется на идее общности

происхождения, резонно попробовать проверить прочность дефиниции термина «этнос» и проверить на реконструкции, могут ли этносы существовать в средневековье.

Дополнительно оговорю, что приведенная здесь дефиниция мною взята как для «проверки» данного определения этноса на исторических примерах, так и по той причине, что оно близко к определению этноса у С. М. Широкогорова (у Клейна больше определенности в признаках этноса) и несколько отличается от хрестоматийного определения советской этнографии, но тоже весьма близко к нему. Так, у Широкогорова: «этнос – есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других групп»³. Советский учебник по этнографии под редакцией Ю. В. Бромлея и Г. Е. Марковой выделяет этническую общность, этнос в узком смысле данного термина (иначе «этникос») и в широком. В узком смысле этносы представляют «исторически сложившуюся на определенной территории устойчивую совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями языка, культуры и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований, фиксированном в этнониме»⁴. В широком смысле этносы имеют единую территорию и обладают не только этнической, но и социально-экономической общностью⁵. В советской этнографии было принято выделять три типа социально-экономических организмов: племя, характерное для первобытной эпохи, народность – для рабовладельческих и феодальных эпох, и нация – для эпох капитализма и социализма.

В последние десятилетия сыгравший «Реквием по этносу» В. А. Тишков в позитивном ключе рассматривает «изгнание

этноса» из ряда наук, отмечая обращение историков к этому термину, когда этнологи в конце 1980-х гг. от него стали отказываться⁶. Поначалу испытывая симпатии к работам этого исследователя и к конструктивистам в целом (сборник под редакцией Ф. Барта в свое время на меня произвел большое впечатление⁷), я ничего не мог поделать с «этническими» упоминаниями в исторических источниках. Можно эти упоминания игнорировать, но объяснить их постоянство в истории одним лишь отрицанием *конструктивистов* – невозможно⁸. К счастью или нет, но, идентифицируя себя русским, я не в силах считать этот индикатор «воображаемой реальностью» или выдуманной *конструкцией*, как о том могут заявлять некоторые историки⁹. Во-первых, я говорю на русском языке, конечно, я могу понимать разную речь и разные языки, в том числе язык древнерусских летописей, но современный русский для меня является родным и в нем мне максимально комфортно существовать, потому что я улавливаю в нем малейшие смысловые и эмоциональные нюансы, однако подавляющее большинство

⁶ Тишков В. А. От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. 2016. № 5. С. 5-22.

⁷ Barth F. Ethnic Groups and Boundaries. Oslo, 1969. В русском переводе: Барт Ф. Этнические группы и социальные границы. М., 2006. Работа впечатлила меня, тем не менее, она привела и в недоумение – больше внимания уделялось африканскому континенту, где складывалась своя специфика этногенеза, Европа по большому счету и ее история оставались за пределами внимания исследователей данного сборника. Сама работа впечатлила меня, тем не менее, она привела и в недоумение – больше внимания уделялось африканскому континенту, где складывалась своя специфика этногенеза, Европа по большому счету и ее история оставались за пределами внимания исследователей данного сборника.

⁸ Критический взгляд на примордиализм и конструктивизм вместе с историографическим обзором конструктивизма изложен в статье: Стефанович П. С. Новые подходы к этничности в медиавистике: взгляд из «древнерусской перспективы». Историческая память и российская идентичность / под ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М., 2018. С. 467-487. Надо отметить превратное понимание «воображенного сообщества» частью историков, особенно украинских.

⁹ Толочко А. П. Воображенная народность // Ruthenica. Т. I. К., 2002. С. 116-117.

³ Широкогорю С. М. Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Владивосток, 2002. Кн. 2. С. 42.

⁴ Этнография. Учебник / под ред. Ю. В. Бромлея, Г. Е. Маркова. М., 1982. С. 16.

⁵ Там же.

языков и людей я не понимаю. И это объективная реальность (и даже в каком-то смысле материальная действительность). Во-вторых, относительная изоляция языка создает свою специфику и в культуре, и в привычных на бытовом уровне вещах. Максимально наглядно это проявляется при встрече с представителями другого (сильно отличающегося от русского) языка и иных культурных привычек и традиций. Даже публикуя работы на английском языке (английский индеец, араба, немца, россиянина и т. д.), историки разных стран вкладывают совершенно разные понимания тех или иных терминов и концептов, потому что исходят из соображений своего языка и своих привычных историографических пониманий и представлений (если английский язык не является для них родным). Технически – язык один, но, опуская вариации английского, становится очевидным, что за ним стоят своеобразные контексты, присущие той или иной культурной и историографической традиции. В этом плане интернет-ресурс Academia.edu, где публикуют свои работы и общаются ученые из разных стран, – это обширное поле для этноязыкового анализа (так, я обнаружил, что у датских и немецких исследователей имеется свой отдельный английский язык, который мне трудно понимать из-за новых лексических конструкций).

Сам Л. С. Клейн считал этнос объектом социальной психологии и, судя по всему, стоял на позициях примордиализма, при этом избегая биологизаторства. Лично у меня сложилось представление о необходимости синтеза примордиализма и конструктивизма (в эпоху Средневековья вряд ли можно говорить об инструментализме)¹⁰.

¹⁰ Предварительно можно сказать, что первые элементы в осмысление и формирование русского этноса внесли религиозные деятели, именно они в первую очередь размышляли над историей и современной им историко-политической ситуацией в религиозном контексте, в системе координат «свой-чужой» и «русский-не русский», только религиозный компонент у них сливался с «этническим». И этот этноконфессионализм они пытались соотнести с этниконом и с политической формой зарождавшегося государства, начиная еще с домонгольского времени: есть Русь, дробящаяся в политическом отношении страна, и есть князь или совокупность князей, и только

Хронологические рамки выбраны XI–XV вв. – время написания и время первых дошедших до нас летописей, – отчасти, для дополнения, взяты источники XVI–XVII вв. Стоит сделать важную оговорку: ПВЛ, созданная, вероятно, в начале XII вв., дошла в самом древнем списке XIV в., на что следует делать поправку, ведь переписчик мог вносить в ее текст понятийную лексику своего времени. С XVI в. круг источников начинает значительно расширяться, как за счет зарубежного, так и отечественного происхождения, с этого времени становится понятно, что Москва – главный или один из главных политических центров по объединению русских земель.

Для соотношения источниковых данных с маркерами, определяющими, по вышеизложенной формулировке, этнос, мною выбран широкий перечень признаков, по которым можно попытаться определить русский этнос: 1) устойчивая группировка людей (идентичность); 2) самоназвание (и самоидентификация); 3) язык; 4) религия; 5) раса; 6) общность происхождения.

По источникам приводятся цитаты с корнем «рус/русь» (и их производными), которые могут подразумевать этнический контекст. В данном случае представляет интерес и конфессиональное обозначение руси. Пресловутая «древнерусская народность» не рассматривается в тексте¹¹,

княжеская власть может служить гарантом защиты христианской веры и православных людей от «агрессии» иноплеменников и людей иной религии. На некоторые такие аспекты в свое время обратила внимание И. В. Ведюшкина (*Ведюшкина И. В.* Русь и «русская земля» в Повести временных лет и летописных статьях второй трети XII – первой трети XIII в. // *Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 годы. М., 1995. С. 111–113*). Возможно, в силу принятия татарами ислама, принятия скандинавскими странами католицизма, его усиления в странах Европы, причем с шедшим параллельно с тем процессом ослабления Византии как флагамена православной культуры, религия на Руси начинала выступать главным этноопределяющим маркером, при этом никогда не сливаясь с конфессионимом полностью.

¹¹ Древнерусской народности, с включением историографического обзора, специально посвящены следующие работы: *Седов В. В.* Древнерусская народность: историко-археологическое исследование. М., 1999; *Толочко П. П.* Древнерусская народность: воображаемая или реальная. СПб, 2005. Вопросу «этнического» в Восточной Европе в трудах историков

поскольку в летописях по домонгольскому периоду трудно судить о процессе этногенеза на Руси. Тем не менее, возникает мысль: не смешиваем ли мы отдельные элементы, присущие этносу, с народностью, т. е. с «древнерусской народностью», а именно – самоназвание и принадлежность к одной одноименной конфессии? Проанализировав источники, забегаю вперед, отмечу, у меня сложилось представление о поступательном движении складывания русского этноса: проявлялись отдельные, еще во многом размытые его признаки. Появляется некое широкое и абстрактное понимание русского этноса, связанное с политическим (и географическим) и религиозным обозначением людей. Если люди на бытовом примере видели, что они причисляют себя к «русской вере», русским людям, а их земли относятся тоже к «русским», соответственно, они близки и всем прочим «русским» и вместе с ними составляют некую группу людей, некую общность (идентичность). Например, на другом конце Европы, начиная со Столетней войны, во французском королевстве (к слову, средневековый писатель Боккаччо в «Декамероне» понимал под Францией земли, на которых действуют законы французского короля, при этом он не знает французов) возникают первые ростки французской нации именно в противопоставлении себя англичанам. Как пишет Дэвид Поттер, сложение французской идентичности во многом зависело от французской власти и от пропаганды лояльности феодалов французскому королю, при этом отчасти проникая и в крестьянскую среду¹².

Думается, в эпоху средневековья возможно говорить не столько об этносах, сколько о появлении некой матрицы этнического порядка, в границах политического организма и социально-культурных особенностей, при этом она может не всегда полностью совпадать с

какими-то государственными образованиями. Люди средневековья могут причислять себя к определенному «этносу», но на повседневном бытовом плане ценностной окажется связь с социальной группой (по профессии, роду деятельности), земельностью и культурному пространству – село/город, а не более абстрактное культурно-языковое единство, общность происхождения и т. д. При этом нельзя исключать существование этносов в средневековой европейской истории. Если для французского королевства существовала проблема этнической разнородности и проблема нелояльности вассалов (королевская власть постулировала идею королевских подданных), то на Руси во многом население считалось славянским и в достаточной степени однородным (язык, религия), выработывался концепт объединения русских земель. Основная проблема консолидации Руси заключалась не столько в этнокультурной разнородности, сколько в политической раздробленности страны. Важно отметить, что власть монарха или центральная власть (для Италии и Германии в достаточно поздний период) пыталась подчинить всё население или объединить в рамках одного государства разные этнические общности, соответственно, формировалась идея надэтнической общности – нации. В российской истории так получилось, что сформировалась идея объединить один разрозненный народ (народ бывшей Древней Руси) в рамках одного государства, под властью одного монарха. Поэтому часть русской шляхты Речи Посполитой и часть казачества пыталась проводить обособленный политический курс от Москвы, боясь утратить свои привилегии.

Л. С. Клейн считал, что «Этносом может быть и государство, и родоплеменная общность, и народность, и любая полития»¹³. На мой взгляд, в данном случае возникает подмена понятий. При отождествлении этноса с государством возможно спутать этнос с нацией (для сравнения – русский и

специально посвящена работа Ю. С. Кучина: *Кучин Ю. С. Этнические образования славян Восточной Европы IX–XII в отечественной историографии (середина XX – начало XXI в.). М., 2017.*

¹² *Potter D. A history of France, 1460–1560. The emergence of a nation state. New York: St. Martin's Press. 1995. P. 17-19.*

¹³ *Маркина Н. Этногенез и синтез наук. Полит.ру. [Электронный ресурс]. URL: https://polit.ru/article/2015/03/07/klejn_balakovskaya_1/ (Дата обращения: 14. 10. 2020).*

россиянин). При этом сам Л. С. Клейн подчеркивал, что нельзя для всех этносов найти одинаковые признаки¹⁴. В отдельных случаях этноопределяющим признаком окажется принадлежность к религии, как, например, у части южных славян: сербы – православные, хорваты – католики, боснийцы – мусульмане. В других случаях – иные признаки.

Моя позиция в оппонировании Л. С. Клейну заключалась в том, что в родовых группах (общностях) нет важного признака – этнической солидарности, солидарность в таких обществах проявляется через родственную связь, в то время как в этносах, на мой взгляд, она зиждется не на родственных, а в большей степени на культурных и социальных, соседских связях: люди как в одном поселении, так и в других поселениях не считают себя близкими родственниками, но проявляют солидарность на основе культурно-языковой, религиозной и т. п. общности, и я склонен заключать, что этнос – продукт письменной культуры. Этнос – более сложный социальный организм, нежели социальный организм, основанный на принципах кровного родства (род, клан, фратрия). Члены этноса не видят смысла в междоусобной войне, если набор неких признаков с очевидностью демонстрирует их идентичность между собой (появляется этническая солидарность). Однако данное обстоятельство не отменяет вероятных внутренних конфликтов и междоусобных войн (на Руси таковыми зачастую оказывались межкняжеские споры и войны). В то время как в родоплеменных обществах на первый план будет выходить важность интересов определенного рода и его выживание, в этносе таковым аналогом окажется социальный организм как культурно-историческая общность. Между этносами и общностями, что формируются на кровнородственной (биологической) основе (патрилинейное или матрилинейное родство) пролегает существенная грань, которая заключается в разной системе ценностных координат. Родовые группы легко распадаются, поэтому и легко ассимилируются: не надо вступать в

конфронтацию с другими кровнородственными системами, таким социальным единицам останется только адаптироваться под новые социальные, экономические, культурные и политические условия, потому что они входят в более многочисленную социальную группу на уровень ниже. Родственные связи никуда полностью не исчезают, зачастую смещаются ценностные ориентиры. Рано или поздно социальным организмам, основанным на кровнородственных связях, придется «включать» себя в идентичность более масштабного социального организма. Идентичность более «низового» порядка рано или поздно начнет размываться, если определенная группа не ведет обособленного и автономного существования (те же оленеводы на севере России).

Я думаю, остается практически неразработанной тема этнических иерархий: какие следует выделять группы «соплеменников» и по каким признакам их определять. При рассмотрении разных обществ у конструктивистов присутствует недооценка учитывать стадию развития разных социумов – в письменной или бесписьменной культуре, учитывать исторические особенности – те же европейские нации и народы, в противовес народам Африки, зачастую жившим в бесписьменный период, в отсутствии сильной центральной власти и в отсутствии универсальной монотеистической религии, где примат абстрактного единства и четкой социально-политической иерархии осознавался бы на идейном уровне.

Например, славяне, как можно судить по письменным источникам, по названию считали себя одноименным племенем, этносом. Различные группы и общности славян (среди восточных, западных и южных), видимо, тоже делились на местные, региональные «этносы», возможно, существовали и какие-то более мелкие этнические группы, о которых можно только догадываться¹⁵. Так, В. А. Шнирельман

¹⁴ Клейн Л. С. Этногенез и археология... С. 41-52.

¹⁵ Вальтер Поль считает правильным делом говорить не о какой-то врожденной характеристике, а об «этнической практике», воспроизводящей связи, удерживающие группу вместе. При этом он полагает, что проявлялась общеславянская идентичность и

предполагает, что в эпоху первобытной родовой общины как таковых этносов не существовало (внутри крупных этнокультурных объединений члены таких сообществ если и обладали единым самосознанием, то весьма слабым), но для крупных этносоциальных образований дает название *протоэтнические общности*. Он приводит пример трехуровневого группового самосознания у аборигенов-путьяндара – те называли территорию проживания «своей страной», сознавали и свою принадлежность к отдельным общинам, но в большинстве случаев, отвечая на вопрос о своей принадлежности, люди указывали на географический район обитания нескольких общин¹⁶.

В обществе, где имеется письменность и начинает появляться образование, особенно в условиях наличия центральной власти, активизируются центристремительные тенденции, возникает тенденция к унификации и универсализации в культуре, социуме, языке и т. д., дабы на огромном пространстве лучше понимать друг друга (в частности, так возникает и «древнерусский язык»), зато в отношении языка повседневности древней Руси дело обстоит гораздо сложнее¹⁷). В условиях децентрализации средневековой Руси фактором «объединения» выступала

идентичность отдельных славянских групп (об этом далее в основном тексте). Pohl W. Concepts of Ethnicity in the Early Medieval Studies // Archaeologia polona. 1991. Vol. 29. P. 39-49. Данное замечание о практике, устоявшейся традиции переключается с аспектом определения этноса у Л. С. Клейна.

¹⁶ Шнирельман В. А. Аграрная эволюция: от раннеземледельческой общины до стратифицированных обществ. М., 2021. С. 270-271.

¹⁷ Впрочем, следует заметить, множество князей домонгольской Руси перемещались по разным землям, занимая тот или иной город вместе со своим двором; книжники вырабатывали литературный язык, который понимали в разных уголках Руси. И, как сообщает летописец под 1037 г., из Киева шло распространение религиозной книжности, в городе шла подготовка религиозных деятелей, видимо отсюда и почитание Киева неким средоточием русской (синоним православной) культуры, когда он даже в политическом плане перестал представлять собой первоначальную ценность. Возникает вопрос, так не следует ли предполагать, что некий язык общения наддиалектного уровня (древнерусское койне) к моменту вторжения монгол всё-таки существовал?

религия/конфессия, близость говоров и диалектов, а также историческая традиция жизни под эгидой правящего дома Рюриковичей. В дальнейшем, с усилением центральной власти на территориях бывшей Древней Руси, вопрос «русскости» в той же Москве пытаются перевести в политическую плоскость и координировать на каком-то своем уровне и в силу своего понимания. Этот процесс «русификации» выражался в приеме новых «земельных титулов», в претензиях к «русским территориям» Речи Посполитой вплоть до правления Екатерины II, в превращении аристократии в подданных¹⁸.

Думается, важно отметить существенную роль системы ценностных координат. В бесписьменный период люди осознавали свою этнокультурную и социально-культурную близость с теми, с кем часто контактировали на повседневном уровне (зачастую общность обосновывалась кровнородственными связями), радиус таких контактов мог достигать, наверное, десятки километров. Всё, что выходило за рамки частых контактов, превращалось в некоторую расплывчатую абстракцию – в той или иной местности живут другие группы, о них, кроме названия, мало что известно. Поэтому, представляется, славяне, аналогично идентичности эллинов, – абстракция, которая не представляла собой той ценности, которые имели таксономии более низового уровня – причисление себя к одной этнической общности на основе земельности (фессалийцы, этолийцы, беотийцы и т. д.) или к конкретной гражданской общине в архаико-эллинистический периоды. Поэтому славян, наверное, следует охарактеризовать как метаэтническую общность, которую сложно назвать этносом, возможно, изначально одноименный этнос существовал, однако в дальнейшем он разросся до таких широких размеров, превращаясь в некую абстракцию

---

¹⁸ Впрочем, в отличие от европейских коллег, московскому князю это делать было гораздо легче, в силу разрастания Москвы из заурядного городка мелкого княжения в огромную по своим масштабам политику, когда знать появлялась из служилых и кормленцев, людей, лично обязанных княжеской милости.

самоназвания и названия языка, что славяне стали обладать диффузным самосознанием.

Что касается истории Руси, то первые местные книжники-летописцы оказывались пионерами в деле осмысления новой складывающейся общности – им требовалось осмыслить себя и с позиции принадлежности к новой религии, и с позиции жителя нового политического объединения (о чем крайне схематично замечается в космогоническом прологе ПВЛ), и с позиций тех региональных общностей, которые к тому времени уже успели сложиться, о чем практически ничего или мало что известно. В трудах первых летописцев предпринимается попытка масштабного осмысления Руси как политического, географического и даже этнического явления. Для древних интеллектуалов Русь – это не игра ума и воображения, а уже очевидная реальность, отсюда и возникшие попытки объяснения новых явлений и свершившихся событий. Таким образом, если появился некий ответ, объясняющий появление Руси как страны, появление русских людей и князей, значит, возникали вопросы. И в данном случае работы древнерусских книжников (дошли они до нас полностью или нет) – результат рефлексии образованных людей на некие исторические явления, на некие масштабные изменения, которые происходили в мире и отображались в окружающем их пространстве и на них в частности.

Далее, наберусь смелости выдвинуть тезис, вопреки некогда устоявшемуся мнению о распаде «древнерусской народности»¹⁹, что в период монгольского владычества источники свидетельствуют о культурно-языковой консолидации «русских». Примечательна в данном плане галицко-волынская летопись, где русские сознаются культурно-языковой общностью и одноименной идентичностью, они противопоставляются всем прочим иноплеменникам – ляхам, пруссам, ятвягам, уграм и т. д. В летописи даже проявляются этнические особенности русских: под 1249г.: «Русские стремительны в нападении:

выдержим их натиск – они не могут выдержать долгого боя», «Ляхи ругались, говоря: “Гони долгобородых!”» (перевод фрагментов О. П. Лихачевой). И, несмотря на региональные различия, судя по источникам, в русской истории наличествовала проблема политических разногласий. Как такового в них нет намека на проблему культурно-религиозного и языкового порядка. Отсюда проистекает та сложность выделения отдельных этносов-наций из русского народа, которая захлестнула Россию во второй половине XIX века²⁰ – слишком прочной оказалась «русская» общность, а русский этнос достаточно крепким. Этнота как биологического организма или какой-то отдельно взятой сущности не существует, однако в повседневной практике на повседневно-бытовом уровне он воплощается как в традиции самоименования, в воспитании и образовании, начиная с того возраста, когда человек начинается задаваться вопросами, кто мы и откуда приходим. В результате можно обозначить этнос через социально-культурное и социально-политическое единство. Русское единство складывалось через первое, большие современные европейские нации – через второе в уже позднее время. По своей сути современные нации совпадают с понятием политонима. В первом случае под политическим единством страны в процессе укрепления власти русских великих князей и царей происходит унификация этнических региональных вариаций, видимо, отсюда и проистекает недопонимание в определении этнического между разными языковыми культурами, между российскими исследователями – с одной стороны и зарубежными исследователями – с другой. Мною не раз отмечалось, что даже видные отечественные историки, говоря о складывании русского этноса, в отношении русской истории подразумевают этнос, а в отношении складывания европейских общностей подразумевают под ними

²⁰ Современные русские – единственные, кто сохранил свое самоназвание и название своей страны. Видимо, «русское» так вошло в самосознание людей, чтобы оно изначально ни значило, что от этого наименования, подкрепленного многовековой традицией, трудно отказаться.

¹⁹ В данном случае более всего подходит обозначение *протоэтнос* или наличие отдельных черт протоэтноса.

политические нации. *Происходит бессознательная подмена понятий.* В период XI–XIII вв. в источниках понятие руси, начиная с Повести временных лет, сближается с современным понятием политонима и – определенно – говорит о формировании русской политической нации, с превращением ее в русский этнос.

Данная полемическая заметка – всего лишь повод к размышлению над терминологическим аппаратом исторической науки (а этнос – категория названной дисциплины) и над научными представлениями о прошлом. Надеюсь, она не окажется совсем уж бесполезной затеей.

Проявление «этнического» в домонгольской Руси (короткие заметки)

Известная Повесть временных лет, как и Новгородская летопись, впрочем, как и позднейшие летописи, призваны информировать читателя о том, откуда пошло название Руси, кто такие «русь» и что было до появления руси в Восточной Европе. Уже в XI–XII в., когда записывалась и редактировалась ПВЛ, элита и просвещенная часть русского общества имели какое-никакое, но представление о происхождении страны Русь и народа русь, что произошли эти названия от пришедших откуда-то из-за моря варягов. Согласно легенде, основателем княжеской династии и первым, кто получил право владеть (властвовать) в землях восточных славян (и не только славян), был Рюрик. Другой вопрос, в какой степени это варяжское объяснение воспринималось в разных частях Руси и в разных слоях древнерусского общества. К тому же, благодаря принятию христианства в его православной форме, появилось вполне зримое подспорье для средневекового обывателя – принадлежность к одной конфессии (*русская*, или *греко-русская* вера). Например, летописцы то и дело упрекают князей в том, что те приводят на русь *поганых*, от чего страдают христиане, а значит и христианская вера. Князья политические раздоры ставят выше религиозного единства, личные интересы выше интересов общности веры. В данном случае одна общая религия и мысль о едином боге служили, либо могли послужить тем

краеугольным камнем, на котором могло возникнуть нечто единое в пределах новой огромной страны. Древнерусские книжники проводили грань по религиозной линии между группами людей. В то же время в русских летописях проводится грань и по «этническому» признаку: свои поганые (т. е. кочевники-христиане) и дикие (кочевники-язычники), в то же время летописцы видят *иных*, других, не смешивая конфессию с этноязыковой градацией. Вдобавок русь в письменных источниках отделяется от греков: греки и русь – одной веры, но они никогда не смешиваются между собой. Уже в первых летописях начинает пока еще в зачаточном состоянии, но проявляться этническая градация, она не играет особой роли и не представляет ценности, она только формируется, едва осознается. В письменных источниках явным образом проходит разграничение по линии происхождения руси как особого сообщества людей, которые названы по имени неких варягов. Таким образом, есть *мы*, русь (русские?), и есть *они*, остальные.

Самые первые «этнические» разграничения можно усмотреть в употреблении «языци» в космогоническом прологе ПВЛ и в «Слове о законе и благодати митрополита Илариона»²¹. П. С. Стефанович предлагает свой взгляд на период первых веков русской истории и начального периода летописания. По его мнению, разным этапам/«слоям» летописания соответствуют разные этно-исторические модели или «проекты идентичности», а именно: «Древнейший пласт “Начальной летописи” отражает “родовой”, “локально-этнический” или “гентильный” взгляд. Печерские книжники, создавая своды в конце XI – начале XII в., отталкивались от византийских религиозных моделей, но и у них можно различить нюансы в подходах. Автор НС

²¹ На счет «языци» и «мы – они» И. Данилевский по домонгольскому периоду замечает следующее: возможно, летописец находится на той стадии этнической самоидентификации, когда «уже появилось представление о “них”, но еще не вполне ясно оформилось представление о том, кто же такие “мы”». *Данилевский И.* Древнерусская государственность и «народ Русь»: возможности и пути корректного описания // *Ab imperio.* 2001. № 3. С. 163-165.

[Начальный свод – прим. А. З.] прямо связывал богоизбранность Руси с имперским “расширением” идентичности. В ПВЛ акцент переместился на “последние времена”, но скорее не в связи с особой ролью руси, а с осмыслением половецкой угрозы²².

Т. Вилкул и С. Николаев проанализировали упоминание «руси» в Повести временных лет и пришли к выводу, что русь фигурирует в качестве этнонима, когда упоминается в перечне «скандинавских» народов, а также в переводной литературе, обусловленной византийской тематикой: «большинство сообщений, в которых русь представлена вне списков племен, является цитатами из переводных текстов... После 971 г. византийские источники, по крайней мере такие, которые возможно идентифицировать, прекращаются. Слово русь продолжает употребляться, однако его частотность резко снижается, изменяется и семантика термина. В летописных статьях XI– XII вв. русь обозначает преимущественно княжеское войско, с противопоставлением грекам или кочевникам, а также является хоронимом (названием страны)»²³. В заключении они резюмируют: «Летописец неоднократно подчеркивает, что после прихода руси вместе со своими князьями на славянские территории русь вместе с местным населением создала новую общность, и что нынешняя русь — как раз результат этого синтеза. Термин «политоним», разумеется, не мог быть известен составителю ПВЛ, но фактически, на доступных конкретных примерах нам сообщается именно о политониме русь»²⁴.

Любопытные наблюдения о формировании «национального сознания» через религиозную литературу представлены у Мишеля Бушара в статье «Средневековый “народ Русь”: религиозные основания русской нации». Так, он считает, что истоки русской нации следует искать в период

Киевской и средневековой Руси, задолго до Петра Великого. И им подмечен любопытный аспект: благодаря религиозной литературе, идеи этнической обособленности, видимо, проникали в крестьянскую среду еще в средневековье²⁵.

В зарубежных средневековых источниках Русь воспринимается как одна целая страна, внутри которой, как и в остальных странах, могут возникать и длиться долгое время политические конфликты²⁶. В основе этих конфликтов лежат либо аристократические (политические, экономические) споры, либо споры, возникшие на «земляческих» интересах. Постоянные войны и стычки на протяжении столетий между новгородской и владимирской русью наводят на мысль о неприязни друг к другу по политическому и географическому принципу, хоть в них зачастую лежат политические причины, тем не менее я их называю «земельческими» войнами. Внутри самой большой земли могут возникать внутренние различия, где объединяющей основой служит принадлежность к городу, микрорегиону. В таких землячествах интересы, как и у древних греков, принадлежность к тому или иному полису (или исторической области) играли более весомую роль, нежели принадлежность к общему названию.

Обозначение в источниках Руси как географического пространства

Начать, наверное, следует со сложного понятия Руси, Русской земли в широком и узком значениях, до конца не решенного в исторической науке. Первые попытки осмысления Руси в широком и узком значениях предпринимались еще в XVIII–XIX вв. (В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, А. Ф. Федотов и др.). Важной вехой в исследовании данного вопроса стало историко-географическое исследование А. Н. Насонова, посвященное территориальным вопросам «древнерусского государства» и

²² Стефанович П. С. К вопросу о понятии *русь* в древнейшем летописании // *Slověne*. 2018. № 2. С. 377.

²³ Вилкул Т. Л., Николаев С. Л. Русь в перечнях народов «Повести временных лет» и вне их // Петербургские славянские и балканские исследования. 2020. № 1. С. 146.

²⁴ Там же. С. 155.

²⁵ Bouchard M. The medieval nation of Rus: the religious underpinnings of the Russian nation // *Ab imperio*. 2001. № 3. С. 97-122.

²⁶ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М., 2010. Т. 4.

проблемам его образования²⁷, в дальнейшем дополнить и исправить его работу взялся Б. А. Рыбаков²⁸. Сравнительно недавно на качественно новый уровень проблему толкования значений Руси вывели работы В. А. Кучкина²⁹ и И. В. Ведюшкиной³⁰. Последняя из упомянутых исследователей считает, что настала пора переходить с описательного уровня на уровень картотек и статистики: только путем количественного накопления упоминаний «руси» в нарративных источниках, с их конкретным смысловым наполнением возможно в позитивном ключе решить проблему употребления этого слова.

Как бы то ни было, однако, с XIII в. значение лексем «Русь» и «Русская земля» в летописях расширяется в географическом значении. Перед походом на Калку в 1223 г. старейшие князья земли Русской – Мстислав Галицкий, Мстислав Черниговский и Мстислав Киевский держат совет, решая, вступать им в войну с татарами или нет. Князь из галицкой волости упомянут в качестве одного из старейших князей Русской земли. Далее Русь и Русская земля начинает расширяться до новгородских пределов: от галицко-волынских земель до Муромо-Рязано-Ростовских.

В Суздальской летописи о нападении Дюденевой рати на Северо-восточную Русь, о разгроме Владимира, Москвы и других городов сказано: «... и много зла створиша в Русской земли»³¹. В 1257 г. татары проводят перепись населения, о чем поведено в летописи так: «...изочтоша всю землю Русскую»³². В 1327 г. Иван Данилович приводит «из Орды рать на Русь»³³, чтобы покарать мятежную Тверь. Далее в тексте

летописи Русь и «вся Русская земля» предстают синонимами.

В данном «русском отношении» особняком стоит новгородское летописание и Новгородская земля («вся волость Новгородская»). Так, в новгородской первой летописи под 6677 (1169) г., когда под Новгород пришли силы Андрея Боголюбского (и силы его союзников), упоминается «и вся земля просто Русьская»³⁴. Новгород в понятие Руси и Русской земли не входит, далее в ней сообщается: «пришла весть из Руси злая»³⁵. Однако и в ней Новгород иногда отождествлялся с Русью: Александр Невский «потрудися за Новгород и за всю Русьскую землю»³⁶.

В первой Софийской летописи, в месте о смерти Александра Невского, говорится: «...много тружшеса за землю Русьскую, и за Новьгородъ и за Псковъ, и за все великое княжение живот свой отдавая»³⁷. Новгородчина (в том числе и псковщина) не является Русью в географическом смысле, новгородцы отделяют себя от Руси и выделяют себя из Руси.

Обозначение в источниках людей, населяющих Русь

Для обозначения людей в летописях употребляется форма «русь». Так, в Ипатьевской летописи сказано: «роусь же потопташа»³⁸, «и тако поможеть Бог Роуси»³⁹, «Роусь же доспѣвше полкъ»⁴⁰, «возворотитшася Роусь»⁴¹, «...избити...всю Роусь»⁴², «побѣдиша Лаховѣ Роусь и оубиша от нихъ многих от боарь и от простыхъ люди»⁴³. В Новгородской первой летописи: «избиша Корела городчан, кто был Руси в Корельском городке, и выведоша к себе Немец»⁴⁴; в четвертой новгородской летописи: «русских сынов и поганых (...)

²⁷ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951.

²⁸ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 56–66.

²⁹ Кучкин В. А. «Русская земля по летописным данным XI – первой трети XIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 годы. М., 1995. С. 74–100.

³⁰ Ведюшкина И. В. Русь и «русская земля» в Повести временных лет и летописных статьях второй трети XII – первой трети XIII в. С. 101–116.

³¹ ПСРЛ. Л., 1926–1928. Т. 1. С. 368.

³² Там же. С. 366.

³³ Там же. С. 371.

³⁴ ПСРЛ. М., Л., 1950. Т. 3. С. 33.

³⁵ Там же. С. 82.

³⁶ Там же. С. 84.

³⁷ ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 191.

³⁸ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. С. 427.

³⁹ Там же. С. 428.

⁴⁰ Там же. С. 429.

⁴¹ Там же. С. 433.

⁴² Там же. С. 446.

⁴³ Там же. С. 592.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 3. С. 94.

Русин за татаринoм гоняшeся»⁴⁵. Или: «мнoгoе мнoжeствo избиeнo бысть рускиx вoй»⁴⁶.

В oднoй из свoих рaбoт, aнaлизирuя истoчники, Б. Флoря прихoдит к вывoду, чтo нa прoтяжeнии втoрoй пoлoвинy XIII – в нaчaлe XIV в. сaмoидентификация нaселeния с «Русью» и «русскими» прoчнo утвeрдилaсь вo вcex чaстях Дрeвнeй Руси⁴⁷. Oднaкo, нaдo скaзaть, здeсь присутствyет мнoгo прoтивoрeчий: eщe в XV в. пскoвичи и нoвгoрoдцy прoтивoпoстaвляли сeбя Руси (мoсквичaм). Eсли и прoисхoдит вышeупoмянутaя сaмoидентификация, тo в oтнoшeнии житeлeй Нoвгoрoдскoй зeмли oнa утвeрдяeтcя сaмым нeпрoчным oбрaзoм.

В сyдeбникe Ивaнa III 1497г. yжe нeт тaких этнo-сoциaльных пoнятий, кaк *варяг*, *кoлбяг*, *русин* и *слoвeнин*, кoтoрыe присутствyют в «Рускoй прaвдe». В «Хoждeнии зa трe мoрy» Aфaнaсия Никитинa гoвoрится o тoм, кaк вo врeмя пyтeшeствия пo Вoлгe нa них нaпaли тaтaры, сyднo рaзгрaбили и «чeтырe гoлoвы взяли рускыe (...) дa русaкoв нaс дeсeть гoлoвaми»⁴⁸. Дaлee oн сoбщaет в тeкстe: «яз нe бeсeрмeнянин – русинь»⁴⁹. Здeсь, видимo, слeдyет прoтивoпoстaвлeниe пo рeлигиoзнoмy признaкy.

Итaльянский пyтeшeствeнник XV в. И. Бaрбaрo в oтнoшeнии рускиx yпoтребляeт слoвo *Rossiani*⁵⁰. Дрyгoй итaльянский пyтeшeствeнник и сoврeмeнник И. Бaрбaрo Кoнтaрини испoльзyет пoнятия Нижняя и Верхняя Россия (*Rossia Bassa*, *Rossia Alta*), пoд пeрвым пoнятиeм yкaзывaется Лyцк и Житoмир, нo исклyчaeтся Киев, пoд втoрым – oблaсть сeвeрo-вoстoчнoй Руси⁵¹. Рязань,

eщe нe присoединeнную к Мoсквe, oн oтнoсит к Рoссии, a житeлeй рязанскoгo княжeствa нaзывaет русскими⁵². Мoсквa и Рязань – двe рaзные пoлитики сo свoими прaвитeлeями. Пo вceй видимoсти, в XV в. пoнятиe *русские* yжe нaчинaeт пeрeхoдить в пoнятиe этничeскoгo, пoтoмy чтo пaрaллeльнo сyщeствyют тaкиe пoлитoнимы, кaк *мoсквичи*, *твeричи*, *нoвгoрoдцy*⁵³.

Обозначение в источниках языка, на котором говорят и пишут жители Руси

В oтнoшeнии нaзвaния язькa – здeсь имeeтcя нeдoстaтoк свидeтeльств в истoричeских истoчникaх. В ПВЛ пoд 6406 (898) г. гoвoрится, чтo «Слoвeньскый язьк и Рускый oднo eсть»⁵⁴, вoзмoжнo, имeeтcя ввиду язьк бoгoслужeния. Пoд 6751 (1243) гoдoм, скaзaнo, чтo Ярoслaв Всeвoлoдoвич «стaрeи всeм князeм в Рускoм язькe»⁵⁵. Дaнный фрaгмeнт трyднo интeрпрeтирoвaть oднoзнaчнoм oбрaзoм, нo впoлнe мoжнo пeрeдпoлaгaть, чтo пoлитичeскoe (oнo жe и гeoгрaфичeскoe) прoстрaнствo Руси сближaeтcя с нaзвaниeм oснoвнoгo язькa и стaнoвится взиaмoзaмeняeмым пoнятиeм.

В пoвeсти o Тимoфeе Влaдимирскoм XV в. гoвoрится: «...плeнникъ eсмь, русинь, бeжa ис Кaзaни нa Русь, и слышaх тeбя, пo-руски пoющa вeликый стих Бoгoмaтeрe...»⁵⁶, – здeсь снoвa, oчeвиднo, рeчь идeт o язькe бoгoслужeния. В тeкстe o житии Стeфaнa Пeрмскoгo («Из вeликих минeй чeтырх Митрoпoлитa Мaкaрия») пишeтcя: «Сий прeпoдoбный oтeцъ нaшъ Стeфaн бe убо рoдoм русинь, oт язькa слoвeньскa, oт стрaны пoлуoщнyя, глaгoлeмyя Двиньскa, oт грaдa, нaрицaeмaгo Устьюгa...»⁵⁷. Нaдo пoлaгaть, oбoрoт «рoдoм русин» yжe пoдрaзумeвaeт нe тoлькo кoнфeссиoнaльнoe

⁴⁵ ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 80.

⁴⁶ Независимый летописный свод 80-х годов XV века. Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 7. С. 402.

⁴⁷ Флоря Б. Н. Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII–XV веках (к вопросу о зарождении восточнославянских народностей) // Этническое самосознание славян в XV столетии. М., 1995. С. 20.

⁴⁸ «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. Библиотека. Т. 7. С. 350.

⁴⁹ Там же. С. 354.

⁵⁰ Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 133, параграф 57.

⁵¹ Там же. С. 210-211.

⁵² Там же. С. 201-202, параграф 27.

⁵³ Например, Афанасий Никитин говорит, что в одной лодке был татарский посол и 10 русаков, в другой лодке 6 тверичей и 6 москвичей, и так понятно, что во второй лодке только русские, обозначается политическая и городская принадлежность (см. сноску 28).

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 1. С. 20.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 1. С. 326.

⁵⁶ Повесть о Тимофее Владимирском. Библиотека. СПб., 2006. Т. 9. С. 108.

⁵⁷ Библиотека. СПб., 2003. Т. 12. С. 148.

обозначение (т. е. «православный»), но и этническое.

В более поздних источниках, как, например, русско-немецком разговорнике Тонни Фенне 1607 г. имеются следующие сообщения: «...писал рускую книгу» и «...как надобно немчину с русином по руски говорить...». Вероятно, можно сказать, что к началу XVII в. русские говорят и пишут на рус(с)ком языке. Так, в «Трактате о двух Сарматиях» (1517) Матвей Меховский сообщает, что «в Московии одна речь и один язык, именно русский или славянский, во всех сатрапиях и княжествах»⁵⁸, по его словам, «вогулы и жители Вятки – русские и говорят по руски. Они придерживаются одной веры и религии по образцу греческой»⁵⁹. Русские в церквях используют для службы славянский язык («In ecclesiis rutenorum lingua seruigum, qua est slauonica...»)⁶⁰.

Австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн, издавший в 1547 г. на латинском языке «Записки о московских делах», утверждает, будто жители самой России считают, что название их страны означает «разбросанность», «рассеяние»⁶¹. Там же он сообщает, что жители на родном языке именуют себя Russi, а на латыни именуются Rhuteni. О своем происхождении они знают из своих летописей⁶². Австрийский дипломат, пересказывая содержание этих летописей (вероятно, самих летописей посол не читал, а пересказывает их содержание со слов местных жителей), отождествляет современных ему русских, жителей России, с теми русскими, которые упоминаются в наших нарративных источниках. Из сочинения Герберштейна становится очевидно, что иностранцы видели Россию, разделенную между правителями Московского княжества, Литвы и Польши, а литовцы и москвиты для них – политонимы.

⁵⁸ Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М., Л.: Наука, 1936. С. 116.

⁵⁹ Там же. В латинском тексте используется термин «рутены»: «Rutheni sunt et Ruthenicum loquuntur», т. е. рутены говорят на рутенском языке.

⁶⁰ Там же. С. 175.

⁶¹ Герберштейн С. Записки о Московии: В 2-х т. М.: Памятники исторической мысли, 2008. Т. 1. С. 34.

⁶² Там же. С. 40.

Московские правители владеют большей частью России (Russiae), а остальными частями России владеет польский король Сигизмунд⁶³. Жители верховьев Волги и Белоозера (видимо, племя весь) имеют свой язык, но перешли на русский (рутенский)⁶⁴.

В статуте Великого княжества Литовского (ВКЛ) 1566 г. сказано: «А писарь земский маеть по Руску литерами и словы Рускими вси листы и позвы писати, а не иншымъ языкомъ и словы, и такъ маеть писарь присегати»⁶⁵. Письменный язык и язык делопроизводства в ВКЛ обозначается «русским». Вероятно, здесь присутствует прямая связь с языком богослужения и с происхождением самой русской письменности от древнеболгарской.

Теперь попробую подытожить сказанное. Начиная с XIII в. Русь фигурирует в качестве названия страны и особого региона (наравне с Русской землей), где проживает русь, за исключением Новгорода. Русь (в демографическом смысле) не может быть просто политонимом в силу того, что это название применяется для жителей разных княжеств (волостей), но не применяется к жителям всей новгородской волости (впрочем, в шведской хронике Эрика XIV в. жители новгородчины именуются русью). Таким же образом русь не может являться конфессионимом, ведь новгородцы тоже были православными⁶⁶, но в источниках

⁶³ Там же. С. 122.

⁶⁴ Там же. С. 352.

⁶⁵ Статут Великого княжества Литовского 1566 года. Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских М., 1855. Т. 25. С. 63. Раздел 4, артикул 1.

⁶⁶ В. А. Ткачук для последующего времени приходит по сути к тому же выводу: «как показали источники XVI–XVII вв., репрезентирующие идеологию разных социальных слоев руси Речи Посполитой, даже вне «русской веры» русь могла оставаться русью. Религиозное не сливалось с этнокультурным, одно не являлось синонимом другого. Если до Берестейской унии (1596) русь почти всегда ассоциировалась с Православием, то после нее – не обязательно. Под русью Речи Посполитой мы должны понимать в XVII в. в большей степени этнокультурную идентичность, а религию – как один из маркеров рускости, но не единственный. Речь посполитская русь разных социальных слоев объединялась под сенью Киевской митрополии (хотя в рассматриваемый нами период это единство было ослаблено ввиду параллельного существования и

неоднократно можно встретить противопоставление руси и новгородцев, руси и псковичан.

Далее возможно сгруппировать ряд признаков, по которым следует соотнести историческое знание с признаками этноса в дефинициях, изложенных ранее в тексте.

Русь – устойчивая группировка людей, которая обладает общими признаками: язык (возможно, здесь стоит подразумевать язык богослужения), конфессия, общее название и общее название страны (Новгород и его жители в русском нарративе до XV в. включительно периодически выпадают из понятия Руси как название страны и как название людей), общность происхождения (название руси – от варягов, пришедших в Восточную Европу, язык – от славян).

– Устойчивая группировка – есть: русь, русские.

– Самоназвание – имеется: русь, русские.

Общие признаки:

– язык (здесь трудно определенно говорить до XVI в.), вероятно, уже к XVI в. осознавался русский (и некое койне);

– религия (точнее, конфессия) – есть: православие, «русская вера»;

– раса – европеоиды⁶⁷, но вряд ли уместно анализировать данный признак⁶⁸.

– Общность происхождения – имеется: от варягов по имени русь (название) и от славян.

Устойчивая группировка в данном случае проявляется и через самоназвание, и через идею общего происхождения самоназвания (от варягов), и через общую конфессию, язык богослужения, а с XVI –

нач. XVII в. возможно говорить о разговорном языке как о русском («русском»).

На основе вышеприведенных крайне схематичных замечаний можно ли предполагать, что в XI–XV вв. происходит начальный этап формирования русского этноса, который трансформируется из квазиэтноса русь/соционима (собирательное обозначение скандинавов, осевших в Восточной Европе, сами летописцы считали это названием одного народа) в политоним, а затем в этноним? Или этногенез русских протекает вместе с понятийными проявлениями соционима, политонима и конфессионима, отчасти сливаясь с ними, отчасти расходясь в значении, и, чем ближе к современности, тем более проявляется компонент этничности?

Если не этнос, то что?

другой Киевской митрополии – униатской)». *Ткачук В. А.* «Русская вера» кон. XVI – первой пол. XVII в. // *Религия и русь XV–XVIII вв.* М.: Политическая энциклопедия, 2020. С. 311.

⁶⁷ Изучение русского населения в современности и в средние века посвящены обобщающие работы по физической антропологии и геногеографии: *Бунак В. В.* (отв. ред.) *Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным.* М., 1965; *Алексеева Т. И.* (ред.) *Восточные славяне. Антропология и этническая история.* М., 2002; *Балановская Е. В., Балановский О. П.* *Русский генофонд на русской равнине.* М., 2007.

⁶⁸ *Клейн Л. С.* *Этногенез и археология...* С. 47.

Библиография

Источники:

- Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971.
Герберштейн С. Записки о Московии: В 2-х т. М., 2008. Т. 1.
Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.–Л., 1936.
Независимый летописный свод 80-х годов XV века // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 7.
О Житии Стефана Пермского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2003. Т. 12.
Повесть о Тимофее Владимирском // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2006. Т. 9.

- Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись.
Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись.
Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись.
Полное собрание русских летописей. Т. 4. Новгородская и Псковская летописи.
Полное собрание русских летописей. Т. 5. Псковская и Софийская летописи.
«Хождение за три моря» Афанасия Никитина // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 7.
Статут Великого княжества Литовского 1566 года. Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских М., 1855. Т. 25.

Литература:

- Алексеева Т. И.* (ред.). Восточные славяне. Антропология и этническая история. М., 2002.
Балановская Е. В., Балановский О. П. Русский генофонд на русской равнине. М., 2007.
Барт Ф. Этнические группы и социальные границы. М., 2006.
Бунак В. В. (отв. ред.) Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным. М., 1965.
Ведюшкина И. В. Русь и «русская земля» в Повести временных лет и летописных статьях второй трети XII – первой трети XIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 годы. М., 1995.
Вилкул Т. Л., Николаев С. Л. Русь в перечнях народов «Повести временных лет» и вне их // Петербургские славянские и балканские исследования. 2020. № 1.
Данилевский И. Древнерусская государственность и «народ Русь»: возможности и пути корректного описания. In *Ab imperio*. 2001. № 3.
Клейн Л. С. Этногенез и археология. В 2-х т. СПб., 2013. Т. 1.
Клейн Л. С. Этнос // Генофонд.рф [Электронный ресурс]. URL: http://xn--c1accbaafal1c.xn--p1ai/?page_id=3175 (дата обращения: 10.04.2021).
Клейн Л. С. Стратегия синтеза в исследованиях по этногенезу (интеграция наук и синтез источников в решении проблем этногенеза) // Советская этнография. 1988. № 4.
Кучин Ю. С. Этнические образования славян Восточной Европы IX–XII в отечественной историографии (середина XX – начало XXI в.). М., 2017.
Кучкин В. А. 1995. «Русская земля» по летописным данным XI – первой трети XIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 годы. М., 1995.
Маркина Н. Этногенез и синтез наук. Полит.ру [Электронный ресурс]. URL: https://polit.ru/article/2015/03/07/klejn_balánovskaya_1/ (дата обращения: 14. 10. 2020).
Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М, 1951.
Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.
Седов В. В. Древнерусская народность: историко-археологическое исследование. М., 1999.
Стефанович П. С. К вопросу о понятии *русь* в древнейшем летописании // *Slověne*. 2018. № 2.

Стефанович П. С. Новые подходы к этничности в медиевистике взгляд из «древнерусской перспективы» // Историческая память и российская идентичность / под ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М., 2018.

Тишков В. А. От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. 2016. № 5.

Квачук В. А. «Русская вера» кон. XVI – первой пол. XVII в. // Религия и русь XV–XVIII вв. М.: Политическая энциклопедия, 2020.

Толочко А. П. Воображенная народность // Ruthenica. Т. I. Киев, 2002.

Толочко П. П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная. СПб., 2005.

Флоря Б. Н. Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII–XV веках (к вопросу о зарождении восточнославянских народностей) // Этническое самосознание славян в XV столетии. М., 1995.

Широкогоров С. М. Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Кн. 2. Владивосток, 2002.

Шнирельман В. А. Аграрная эволюция: от раннеземледельческой общины до стратифицированных обществ. М., 2021.

Этнография. Учебник / под ред. Ю. В. Бромлея, Г. Е. Маркова. М., 1982.

Barth F. Ethnic Groups and Boundaries. Oslo, 1969.

Bouchard M. The medieval nation of Rus: the religious underpinnings of the Russian nation. In *Ab imperio*. 2001. № 3.

Pohl W. Concepts of Ethnicity in the Early Medieval Studies // *Archaeologia polona*. 1991. Vol. 29.

Potter D. A history of France, 1460–1560. The emergence of a nation state. New York, 1995.

Об авторе

Зеленов Алексей Васильевич, колумнист газеты ученых «Троицкий вариант – Наука», Барнаул (Россия). Область научных интересов: Древняя Русь IX–XIII вв.
E-mail: levagni@yandex.ru

A. V. Zelenov

THE TERM “ETHNOS” AND RUSSIAN MEDIEVAL HISTORY

Abstract: The article bears an attempt to correlate the definition of an ethnic community formulated by L. S. Klejn, with references to the word *Rus'* that can be found in domestic and foreign sources and its derivatives dating back to the 12th–16th centuries. A wide list of distinctive features by which the Russian ethnic community can be defined, has been chosen. It includes such features as: a well-established group of people, a native name, language, religion, race, and a common origin.

The analysis conducted revealed that with the exception of such a distinction as formation of the Russian language, all other features are presented in the sources and can serve as the ethno-determining ones. On these grounds, the issue is raised regarding the assumption that the Russian ethnic community could have been possibly formed as early as by the 16th century.

Keywords: ethnos, rus, Russian, L. Klejn, identity.

References

Sources:

Barbaro i Kontarini o Rossii. K istorii italo-russkikh svyazei v XV v. [Barbaro and Contarini about Russia. On the history of Italian-Russian relations in the 15th century]. Leningrad, 1971. (In Russian).

Gerbershtein S. Zapiski o Moskovii: V 2-kh t. [Notes about Muscovy in 2 volumes] Moscow, 2008. Vol. 1. (In Russian).

Mekhovskii M. Traktat o dvukh Sarmatiyakh [Treatise on the two Sarmatians]. Moscow–Leningrad, 1936. (In Russian).

Nezavisimyi letopisnyi svod 80-kh godov XV veka [Independent chronicle of the 80s of the XV century]. Biblioteka literatury Drevnei Rusi. St. Petersburg, 1999. Vol. 7.

O Zhitii Stefana Permskogo [About the hagiography of Stefan of Perm]. Biblioteka Drevnei Rusi. St. Petersburg, 2003. Vol. 12. (In Russian).

Povest' o Timofee Vladimirsom. Biblioteka. Biblioteka Drevnei Rusi. St. Petersburg, 2006. Vol. 9. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 1. Lavrent'evskaya letopis'. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 2. Ipat'evskaya letopis'. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 3. Novgorodskaya pervaya letopis'. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 4. Novgorodskaya i Pskovskaya letopisi. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 5. Pskovskaya i Sofiiskaya letopisi. (In Russian).

“Khozhdenie za tri morya” Afanasiya Nikitina [“Journey beyond three seas” by Afanasy Nikitin]. Biblioteka literatury Drevnei Rusi. St. Petersburg, 1999. Vol. 7. (In Russian).

Statut Velikogo knyazhestva Litovskogo 1566 goda [Statute of the Grand Duchy of Lithuania in 1566]. Vremennik Imperatorskogo Moskovskogo obshchestva istorii i drevnostei Rossiiskikh. M., 1855. Vol. 25. (In Russian)..

Researches:

Barth F. Ethnic Groups and Boundaries. Oslo, 1969. (In English)

Bouchard M. The medieval nation of Rus: the religious underpinnings of the Russian nation. *Ab imperio*. 2001. Vol. 3. (In English)

Pohl W. Concepts of Ethnicity in the Early Medieval Studies. *Archaeologia polona*. 1991. Vol. 29. (In English)

Potter D. A history of France, 1460–1560. The emergence of a nation state. New York, 1995. (In English)

Alekseeva T. I. (ed.). Vostochnye slavyane. Antropologiya i etnicheskaya istoriya [East Slavs. Anthropology and ethnic history]. Moscow, 2002. (In Russian).

Balanovskaya E. V., Balanovskii O. P. Russkii genofond na russkoi ravnine [gene pool on the Russian plain]. Moscow, 2007. (In Russian).

Bart F. Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy [Ethnic groups and social boundaries]. Moscow, 2006. (In Russian).

Bunak V. V. (chief ed.). Proiskhozhdenie i etnicheskaya istoriya russkogo naroda po antropologicheskim dannym [Origin and ethnic history of the Russian people according to anthropological data]. Moscow, 1965. (In Russian).

Vedyushkina I. V. Rus' i “russkaya zemlya” v Povesti vremennykh let i letopisnykh stat'yakh vtoroi treti XII – pervoi treti XIII v. [Russia and the “Russian Land” in the Tale of Bygone Years and Chronicle Articles of the Second Third of the 12th – first third of the 13th Centuries]. In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. Materialy i issledovaniya. 1992–1993 gody*. Moscow, 1995. (In Russian).

Vilkul T. L., Nikolaev S. L. Rus' v perechnyakh narodov “Povesti vremennykh let” i vne ikh [Russia in the lists of peoples of the “Tale of Bygone Years” and beyond them]. In *Peterburgskie slavyanskije i balkanskije issledovaniya*. 2020. Vol. 1. (In Russian).

Danilevskii I. Drevnerusskaya gosudarstvennost' i “narod Rus’”: vozmozhnosti i puti korrektnogo opisaniya [Old Russian statehood and the “people of Russia”: the possibilities and ways of a correct description]. *Ab imperio*. 2001. Vol. 3. (In Russian).

Klejn L. S. Etnogenez i arkhologiya [Ethnogenesis and archeology]. In 2 vol. St. Petersburg, 2013. Vol. 1. (In Russian).

Klejn L. S. Etnos [Ethnos]. Genofond.rf. URL: http://xn--c1acc6aafa1c.xn--p1ai/?page_id=3175 (accessed: 10.04.2021). (In Russian).

Klejn L. S. Strategiya sinteza v issledovaniyakh po etnogenezu (integratsiya nauk i sintez istochnikov v reshenii problem etnogeneza). [Synthesis strategy in research on ethnogenesis (integration of sciences and synthesis of sources in solving the problems of ethnogenesis)]. In *Sovetskaya etnografiya*. 1988. Vol. 4. (In Russian).

Kuchin Yu. S. Etnicheskie obrazovaniya slavyan Vostochnoi Evropy IX–XII v otechestvennoi istoriografii (seredina XX – nachalo XXI v.) [Ethnic formations of the Slavs of Eastern Europe IX – XII in Russian historiography (mid-XX – early XXI century)]. Moscow, 2017. (In Russian).

Kuchkin V. A. “Russkaya zemlya po letopisnym dannym XI – pervoi treti XIII v. [“Russian land” according to chronicle data of the 11th – the first third of the 13th century]. In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. Materialy i issledovaniya. 1992–1993 gody*. Moscow, 1995. (In Russian).

Markina N. Etnogenez i sintez nauk [Ethnogenesis and synthesis of sciences]. Polit.ru. URL: https://polit.ru/article/2015/03/07/klejn_balakovskaya_1/ (accessed: 14. 10. 2020). (In Russian).

Nasonov A. N. “Russkaya zemlya” i obrazovanie territorii drevnerusskogo gosudarstva [“Russian land” and the formation of the territory of the ancient Russian state]. Moscow, 1951. (In Russian).

Rybakov B. A. Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII–XIII vv. [Kievan Rus and Russian principalities of the 12th–13th centuries]. Moscow, 1982. (In Russian).

Sedov V. V. Drevnerusskaya narodnost': istoriko-arkheologicheskoe issledovanie [Old Russian nationality: historical and archaeological research]. Moscow, 1999. (In Russian).

Stefanovich P. S. K voprosu o ponyatii rus' v drevneishem letopisanii [To the question of the concept of Russia in ancient chronicles]. In *Slověne*. 2018. Vol. 2. (In Russian).

Stefanovich P. S. Novye podkhody k etnichnosti v medievistike: vzglyad iz “drevnerusskoi perspektivy” [New Approaches to Ethnicity in Medieval Studies a View from the “Old Russian Perspective”]. In *Istoricheskaya pamyat' i rossiiskaya identichnost'*. Edit. by V. A. Tishkov, E. A. Pivneva. M., 2018. (In Russian).

Tishkov V. A. Ot etnosa k etnichnosti i posle [From ethnos to ethnicity and after]. In *Etnograficheskoe obozrenie*. 2016. Vol. 5. (In Russian).

Tkachuk V. A. “Ruskaya vera” kon. XVI – pervoi pol. XVII v. [“Russian faith” of the late 16th – first half of the 17th century]. In *Religiya i rus' XV–XVIII vv.* Moscow, 2020. (In Russian).

Tolochko A. P. Voobrazhyonnaya narodnost' [Imaginary nation]. In *Ruthenica*. Vol. I. Kyiv, 2002. (In Russian).

Tolochko P. P. Drevnerusskaya narodnost': voobrazhaemaya ili real'naya [Old Russian nationality: imaginary or real]. St. Petersburg, 2005. (In Russian).

Florya B. N. Istoricheskie sud'by Rusi i etnicheskoe samosoznanie vostochnykh slavyan v XII–XV vekakh (k voprosu o zarozhdenii vostochnoslavjanskikh narodnostei) [The historical fate of Russia and the ethnic identity of the Eastern Slavs in the 12th –15th centuries (on the issue of the origin of the East Slavic peoples)]. In *Etnicheskoe samosoznanie slavyan v XV stoletii*. Moscow, 1995. (In Russian).

Shirokogorov S. M. Etnos: Issledovanie osnovnykh printsipov izmeneniya etnicheskikh i etnograficheskikh yavlenii [Ethnos: A Study of the Basic Principles of Change in Ethnic and Ethnographic Phenomena]. Book 2. Vladivostok, 2002. (In Russian).

Shnirel'man V. A. Agrarnaya evolyutsiya: ot rannezemledel'cheskoi obshchiny do stratifitsirovannykh obshhestv [Agrarian evolution: from the early agricultural community to stratified societies]. Moscow, 2021. (In Russian).

Etnografiya. Uchebnik [Ethnography. Coursebook]. Edit. by Yu. V. Bromlei, G. E. Markov. Moscow, 1982. (In Russian).

Barth F. Ethnic Groups and Boundaries. Oslo, 1969. (In English).

Bouchard M. The medieval nation of Rus: the religious underpinnings of the Russian nation. *Ab imperio*. 2001. Vol. 3. (In English).

Pohl W. Concepts of Ethnicity in the Early Medieval Studies. *Archaeologia polona*. 1991. Vol. 29. (In English).

About the author

Zelenov Alexey V., columnist of the newspaper of scientists “Troitskiy variant nauka”, Barnaul (Russia).

E-mail: levagni@yandex.ru